

Научная статья

УДК 332.1+914

DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-46-60

EDN: DNOXTP

**ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ****Ксения Викторовна Демидова** ✉, **Михаил Алексеевич Макушин**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

✉ metsan_henki@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена динамика инвестиций в основной капитал и основных социально-экономических индикаторов (промышленного производства, численности занятых, населения, заработной платы, доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей, ввода жилых домов) в разрезе муниципальных образований Приморского края. Информационной базой исследования служат данные Базы данных показателей по муниципальным образованиям (БДПМО) Росстата за период с начала 2010-х по 2023 г. Методической основой исследования стали математико-статистические методы, сравнительный анализ. Выявлено, что наибольшее влияние инвестиционные вложения оказали на промышленное производство и уровень заработных плат повсеместно – в муниципальных образованиях как с большими, так и с малыми городами региона. В то же время влияние на занятость является меньшим и краткосрочным, в муниципальных образованиях с малыми городами его можно наблюдать только для Арсеньева и Большого Камня, больший эффект наблюдается для муниципальных образований с более крупными городами региона. Изменить ситуацию с депопуляцией населения крупные проекты не могут: происходит не зависящая от них концентрация населения в наиболее обжитых территориях, больших городах с более комфортными условиями проживания (спектр предлагаемых услуг, уровень оплаты труда и т.д.). Практическая значимость исследования заключается в статистических оценках влияния инвестиций на развитие муниципальных образований с малыми городами на фоне больших. Перспективы исследования состоят в анализе эффектов от инвестиций на развитие малого бизнеса на этих территориях.

Ключевые слова: малые города, инвестиции в основной капитал, промышленное производство, транспортная инфраструктура, крупный бизнес, депопуляция

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Демидова К. В., Макушин М. А. Влияние инвестиций на социально-экономическую динамику муниципальных образований Приморского края // Географический вестник = Geographical bulletin. 2026. № 3(78). С. 46–60. EDN: DNOXTP DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-46-60

Original article

DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-46-60

EDN: DNOXTP

**INVESTMENT IMPACT ON THE SOCIOECONOMIC DYNAMICS
OF PRIMORSKY KRAI MUNICIPALITIES****Ksenia V. Demidova** ✉, **Mikhail A. Makushin**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

✉ metsan_henki@mail.ru

Abstract. The article deals with the dynamics of investment in fixed capital and the main socioeconomic indicators (industrial production, the number of employed, population, wages, incomes of individuals and individual entrepreneurs, commissioning of residential buildings) in the context of the municipalities of Primorsky Krai (region). The information base of the study is the Rosstat Database of Indicators for Municipalities for the period from the beginning of the 2010s to 2023. The methodological basis of the research is mathematical and statistical methods and comparative analysis. The study has found that investment projects had the greatest impact on industrial production and wage levels in all the territories, both in the municipalities with big cities and with small towns. At the same time, the impact on employment has been found to be smaller and short-term; in the case of municipalities with small towns, it can be observed only for Arsenyev and Bolshoi Kamen, a greater effect is observed for big cities of the region. Large-scale projects cannot change

© Демидова К. В., Макушин М. А., 2026

Лицензировано под CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the situation with depopulation: there is an independent concentration of population in the most settled areas (big cities) with more comfortable living conditions (range of services offered, level of wages, etc.). The practical significance of the study lies in the statistical estimates of the investment impact on the development of small towns in the region against the background of big ones. Further direction of research can be seen in analyzing the effects of investment on the development of small business in these territories.

Keywords: small towns, investments, industrial production, transport infrastructure, large-scale companies, depopulation

Funding. The article was prepared as part of research work under the RANEPА state assignment.

For citation: Demidova K. V., Makushin M. A. Investment impact on the socioeconomic dynamics of Primorsky Krai municipalities. *Geographical Bulletin*, 2026, no. 3(78), pp. 46–60. EDN: DNOXTP DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-46-60

Введение

Депопуляция и относительный экономический упадок малых городов (с населением до 50 тыс. чел.) являются общероссийскими проблемами [7; 13]. Это нашло отражение в специализированных государственных программах развития малых городов (в частности, специальных мероприятий в рамках нацпроектов «Инфраструктура для жизни», «Эффективная и конкурентная экономика»), программах по поддержке моногородов, к которым города этой группы зачастую относятся. Малые города также включаются в состав иных типов территорий, получающих поддержку (например, города до 30 тыс. чел. могут считаться сельскими территориями и претендовать на финансирование в рамках государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий»).

В Сибири и на Дальнем Востоке малые города еще более уязвимы за счет меньшей плотности населения данных регионов, менее развитой транспортной сети, зачастую монопрофильности поселений и в большей степени ресурсной направленности их экономики [18]. Внимание к ним усиливается на фоне ужесточения геополитического фактора, необходимости обеспечения территориальной целостности и освоенности регионов Сибири и Дальнего Востока. Дальневосточные регионы также являются одним из приоритетов Стратегии пространственного развития России до 2030 года [22]. При этом в малых городах Дальнего Востока реализуются и крупные, и небольшие инвестиционные проекты, что гипотетически должно способствовать экономическому росту территории [6] и повышению уровня жизни населения [24].

В данной работе авторы анализируют ситуацию в малых городах на примере Приморского края – одного из наиболее благополучных и выгодно расположенных регионов Дальнего Востока. Цель исследования: определить влияние инвестиций в основной капитал на динамику социально-экономических индикаторов: объем отгруженных товаров и услуг, занятость, заработную плату, численность населения, налоговые и неналоговые доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей, ввод жилых домов. При этом в задачи авторов входит также сравнение динамики социально-экономических индикаторов муниципальных образований с малыми городами и остальных муниципальных образований Приморского края.

Материалы и методы

Экономике и социальной сфере Дальнего Востока посвящено достаточно много публикаций совершенно разных научных школ в различных регионах России. В частности, накоплен значительный опыт исследования территориальных структур хозяйства: промышленного производства [4; 19], логистического комплекса [5; 20]. В существующих работах Приморский край признается одним из самых развитых регионов Дальнего Востока с высокой ролью промышленности и логистики в экономике и инвестиционном комплексе [4]. Развитие региона обеспечивается за счет таких факторов, как выгодное экономико-географическое положение относительно ведущих азиатских экономик, развитая инфраструктурная сеть, более благоприятные условия хозяйствования по сравнению с севером Дальнего Востока [19], хотя определенными барьерами для развития экономики все еще выступают высокие транспортно-энергетические издержки [3]. Сочетание этих факторов определило гипертрофированное развитие портового хозяйства за счет роста экспорта ресурсных грузов и импорта грузов в контейнерах, особенно на юге Приморского края [33].

В целом в современной региональной политике России приморским территориям уделяется достаточно много внимания как геостратегическим [10; 18], особенно на Дальнем Востоке из-за резкого увеличения торговли с азиатскими странами после 2022 г. Самым острым вопросом остается расширение провозной способности Восточного полигона железных дорог и перевалочных мощностей дальневосточных портов. Значимым фактором выступает и развитие Северного морского пути, собственного судостроения и ледокольного флота, что может стать дополнительной точкой роста для экономики региона.

Акцентируется внимание и на роли Дальнего Востока в обеспечении территориальной целостности нашей страны и ее национальной безопасности, что в условиях депопуляции населения требует смены приоритетов инвестирования как со стороны государства, так и со стороны бизнес-структур (российских и зарубежных) [2; 8]. Особое большое внимание уделяется факторам оттока населения: низким доходам при более высокой стоимости жизни (чем, к примеру, в Центральной России), высоким транспортным тарифам, низкому уровню доступности и качества социальной сферы [8]. Особый интерес к Дальнему Востоку проявляли и зарубежные исследователи, изучавшие как приоритетные сферы инвестирования и трансформацию экономики восточных регионов России [31], так и новые вектора сотрудничества российских регионов с азиатскими государствами [32].

В большинстве случаев анализ сводится к более обширной, доступной и качественной региональной статистике, из-за чего рассмотрение внутрирегиональных различий отходит на второй план.

При этом одной из ключевых проблем Дальнего Востока является неравномерность развития инфраструктуры не только между регионами, но и внутри них. Высокая концентрация инвестиционной, логистической, производственной активности характерна для прибрежных территорий и крупных городов, но континентальные муниципалитеты параллельно могут деградировать, что приводит к общему снижению качества жизни населения и уровня социально-экономического развития [17; 20]. Подробный анализ инвестиционных проектов и экономико-географической типологии муниципальных образований на примере Приморского края приведен у В. И. Суржикова и Л. И. Рябухиной [21; 23], однако последние оценки сделаны по состоянию на 2012 г. и нуждаются в обновлении.

Особенно важную роль для Дальнего Востока играют города как полюса социально-экономического роста и опорный каркас расселения [24, 27]. Элементами этого каркаса выступают и малые города. Для многих из них ярко проявляются все общерегиональные проблемы: интенсивная депопуляция, монопрофильность, сокращение объемов производства и занятости [25]. Вместе с тем эти города являются локальными полюсами роста, центрами занятости и услуг для окружающих территорий, а потому их роль в инвестиционном комплексе регионов заслуживает отдельного внимания [13; 26]. Подобные проблемы характерны в целом и для зарубежных городов в удаленных от основной зоны расселения регионах. Например, для американских и канадских городов удаленность становится одним из ключевых лимитов развития за счет удорожания стоимости жизни, логистических операций и ограниченных возможностей локального рынка [28; 29; 30].

Одним из самых активно внедряемых и исследованных инструментов региональной политики для привлечения инвестиций на Дальнем Востоке является использование преференциальных зон и режимов [14; 15; 16]. В частности, оценивалось влияние на экономику ввода инструментов Свободного порта Владивосток (СПВ) [1] и Территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [12], которые в том числе используются малыми городами. Д. Ю. Землянский и В. А. Чуженькова по состоянию на 2020 год отмечали, что муниципальные образования с преференциальными режимами на Дальнем Востоке привлекли значительный дополнительный объем инвестиций: на 30–50 % выше, чем в муниципалитетах без режимов [11]. Однако к 2020 году их вклад в рост занятости не был отмечен, а общее ускорение социально-экономического развития хоть и было заметно, но находилось на довольно низком уровне – на 2,3 % выше, чем в муниципальных образованиях без ТОСЭР и СПВ [11].

У российских исследователей накоплен значительный опыт оценок эффектов от инвестиций в основной капитал на территорию [6], особенно в ходе реализации крупных проектов [9]. Однако влияние инвестиций на малые города для Приморского края за последние несколько лет не оценивалось. Не рассматривалась и дифференциация этого влияния в зависимости от специализации города и типов проектов, как и не проводились сравнения с другими муниципалитетами региона. Данным исследованием авторы делают попытку ликвидировать этот пробел.

Исследование строится на количественно-качественном анализе ключевых социально-экономических индикаторов (табл. 1) по муниципальным образованиям (МО) Приморского края с особым вниманием к позиции МО с малыми городами. Источником данных является Росстат, преимущественно – База данных показателей муниципальных образований (БДПМО). Данные верифицированы в ходе полевых исследований по Приморскому краю в августе-сентябре 2022 г. Выбор индикаторов ограничен набором относительно качественных показателей, предоставляемых БДПМО в динамике, хотя и не является исчерпывающим для оценки уровня социально-экономического развития. Все денежные индикаторы пересчитаны в реальные цены (к 2023 г.) с использованием соответствующих индексов физического объема для инвестиций в основной капитал, объема отгруженных товаров и услуг и индекса потребительских цен для заработной платы и доходов. Все абсолютные показатели дополнительно пересчитаны в относительные на душу населения соответствующего муниципального образования. Под промышленным производством в работе будет пониматься объем отгруженных товаров и услуг – наиболее близкий к объему промышленного производства индикатор, рассчитываемый на муниципальном уровне.

Таблица 1

Table 1

Список анализируемых показателей
The analyzed indicators

Индикатор	Доступный ряд данных, годы
Инвестиции в основной капитал, руб.	2008–2023
Объем отгруженных товаров и услуг, руб.	2014–2023
Среднесписочная численность занятых, чел.	2013–2023
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.	2012–2023
Налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей, руб.	2010–2021
Ввод в действие жилых домов на территории муниципального образования, кв. м	2008–2022
Численность населения, чел.	2008–2023

Ограничением используемых данных является исключение малых и микропредприятий из анализа. Однако развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) – крайне важный индикатор социально-экономического развития территории. Были дополнительно проанализированы данные сплошного обследования малого и среднего бизнеса, проводимые Росстатом в 2015 и 2020 гг. относительно количества предприятий МСП и численности занятых в них, использованы данные Федеральной налоговой службы (ФНС) и Росстата о налогооблагаемых денежных доходах физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Тем не менее для сопоставимости рассчитываемых эффектов от инвестиций основным источником данных остается БДПМО.

Важно отметить также, что оценка всех индикаторов в БДПМО приводится не для населенных пунктов, а для муниципальных образований. При анализе мы будем говорить о городских округах (ГО) и муниципальных районах (МР). Муниципальные округа в данном случае не рассматриваются, поскольку городские округа с малыми городами – Дальнегорский, Лесозаводский, Партизанск – были преобразованы в муниципальные округа только в 2024 г., а доступный ряд статистических данных ограничивается 2023 г. Прочие муниципальные округа не изменили административных границ предшествующих им муниципальных районов.

В ходе исследования были проанализированы внутрирегиональные различия в распределении и динамике ключевых индикаторов по типам МО: 1) региональный центр (Владивостокский городской округ); 2) муниципальные образования с большими городами с населением более 100 тыс. чел. (Уссурийский, Находкинский, Артемовский городские округа); 3) муниципальные образования с малыми городами с населением менее 50 тыс. чел. (городские округа: Арсеньевский, Большой Камень, Спасск-Дальний, Дальнереченский, Партизанск; ЗАТО Фокино; Лесозаводский, Дальнегорский муниципальные округа, которые включают в себя малые города); 4) муниципальные районы и округа без городов. Отнесение к тому или иному классу по людности происходило на основе данных за 2023 г. во избежание перемещения городов из одного типа в другой за период наблюдения. Далее в статье под терминами «малый город», «большой город» будут пониматься муниципальные образования с соответствующими городами в их составе.

Отдельно от указанной классификации выделена категория МО, граничащих с большими городами (формирующимися агломерациями), для оценки влияния близости к большим городам на динамику социально-экономического развития. К ним относятся Михайловский, Надеждинский, Октябрьский, Партизанский, Шкотовский муниципальные округа.

Дополнительно использована географическая типология муниципальных образований по близости к морю и государственной границе для наглядности пространственной дифференциации: 1) южные прибрежные; 2) восточные прибрежные; 3) континентальные; 4) приграничные континентальные.

Влияние инвестиций на изменение социально-экономической ситуации в муниципалитетах рассчитано путем деления приростов абсолютных индикаторов за 2013–2023 гг. на сумму инвестиций в основной капитал за тот же период по сумме муниципальных образований, входящих в соответствующий тип. Отдельно оценивались агломерационные эффекты для муниципальных образований, граничащих с большими городами: их можно рассматривать как формирующуюся Владивостокскую городскую агломерацию в составе Владивостока, Артема, Уссурийска, Находки и прилегающих к ним муниципалитетов [20]. Расчет приростов промышленного производства и объемов ввода жилья для исключения случайных выбросов за один год производился суммированием за 2021–2023 и 2013–2015 гг. (формула 1):

$$Ef_i^k = \frac{\sum k_{2021-2023} - \sum k_{2013-2015}}{\sum Inv_{2013-2023}}, \quad (1)$$

где E_f – эффект от реализации инвестиций; k – значение соответствующего индикатора; I_{nv} – объем инвестиций в основной капитал; i – соответствующий тип территории, для которого производится расчет.

Приросты для занятости, заработной платы и налоговых доходов физических и индивидуальных предпринимателей рассчитывались на крайние даты наблюдений (2023 и 2013 гг. – для первых двух индикаторов, для третьего – 2021 и 2013 гг.) (формула 2):

$$Ef_i^A = \frac{A_{2023} - A_{2013}}{\sum Inv_{2013-2023}}, \quad (2)$$

где все значения аналогичны таковым в формуле (1); A – значение соответствующего индикатора. В данном исследовании упор сделан на расчет накопительного эффекта от инвестиций, ограничением используемого подхода является недоучет лаговых эффектов.

Далее все показатели были пронормированы методом линейного нормирования, приведены к формату от 0 до 1. Интегральный показатель считался как среднее из всех составляющих для начального периода – за 2014–2016 гг. (во избежание серьезных искажений в данных за 1 год) и для конечного периода – за 2019–2021 гг. Из анализа исключены ЗАТО Фокино и Большой Камень из-за закрытости ряда данных. По интегральному показателю составлена матрица переходов, а для каждого нормированного показателя у тех МО, которые перешли в другие группы, рассчитано, на сколько произошло изменение за период.

Результаты и их обсуждение

В территориальной структуре инвестиционного комплекса и промышленного производства Приморского края резко доминирует Владивосток, который за последние годы концентрировал около 60 % инвестиций и порядка 50 % промышленного производства региона (рис. 1). 6 % инвестиций в основной капитал за период 2008–2023 гг. пришлось на большие города с населением свыше 100 тыс. чел. (Уссурийский, Находкинский, Артёмовский ГО). При этом около 70 % от этого объема концентрировалось в Находкинском ГО. Большие города также обеспечивают 25 % промышленного производства Приморского края.

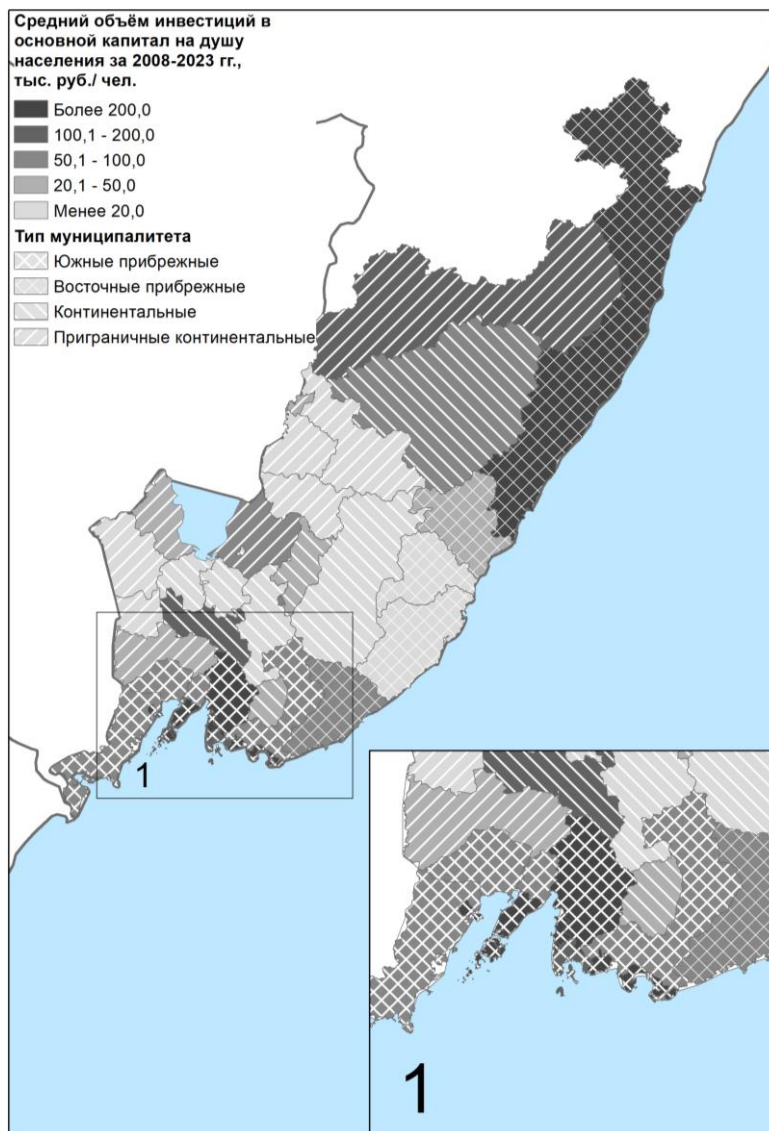

Рис. 1. Средний объем инвестиций в основной капитал в Приморском крае на душу населения за 2008–2023 гг.
Fig. 1. The structure of per capita investments in fixed assets in Primorsky Krai in 2008–2023

На муниципальные образования с малыми городами в Приморском крае приходится сравнительно меньшая доля инвестиций в основной капитал – около 2 % ежегодно (рис. 2). При этом около 90 % инвестиций среди малых городов концентрируют только три из них – ГО Большой Камень (на него приходится около 70 % инвестиций в малые города), ЗАТО Фокино и Арсеньевский ГО (примерно по 10% каждый).

Лидерство Большого Камня обусловлено строительством на базе советского наследия современного судостроительного комплекса «Звезда», который специализируется на строительстве судов (прежде всего танкеров) ледового класса, необходимых для освоения нефтегазовых месторождений Российского сектора Арктики. Арсеньев выделяется в 2017–2019 гг. (2–3 % от общего по региону объема инвестиций в основной капитал) за счет модернизации авиационного завода «Прогресс» в рамках Государственной программы РФ «Развитие оборонно-промышленного комплекса». Позиция ЗАТО Фокино в тройке лидеров по объему инвестиций среди малых городов (0,8 % от общерегионального показателя за 2008–2023 гг.) обусловлена строительством в 2014–2018 гг. порта «Вера», который вместе с частью территории ЗАТО был передан в 2018 г. под юрисдикцию Шкотовского района.

Рис. 2 Динамика доли инвестиций в основной капитал
от общерегионального показателя по группам муниципалитетов

Fig. 2. Dynamics of the share of investments in fixed assets in the regional indicator by groups of municipalities

При этом в объеме промышленного производства малые города играют более значительную роль – порядка 10 %. Однако 70 % промышленного производства малых городов Приморского края приходится на Арсеньев, Большой Камень, Дальнегорск. Остальные малые города обладают крайне низкими значениями объемов подушевого промышленного производства (рис. 3). Рост промышленного производства в малых городах в 2017–2019 гг. осуществлялся за счет загрузки мощностей Арсеньевского завода «Прогресс», а с 2019 г. – за счет модернизации и загрузки верфи судостроительного комплекса «Звезда» в Большом Камне. После 2021 года планомерный рост промышленного производства среди малых городов характерен только для Арсеньева (в 2 раза в 2023 г. по сравнению с 2021 г.), увеличившего объем гособоронзаказа, и Дальнегорска (на 11 % в 2023 г. по сравнению с 2021 г.), наращивающего производство свинцово-цинковых концентратов на фоне позитивной мировой конъюнктуры и роста экспортных цен на эти металлы. Производство в Большом Камне выросло более чем на 50 % в 2022 г. по сравнению с 2021 г., однако уже в 2023 г. вернулось к прежним значениям.

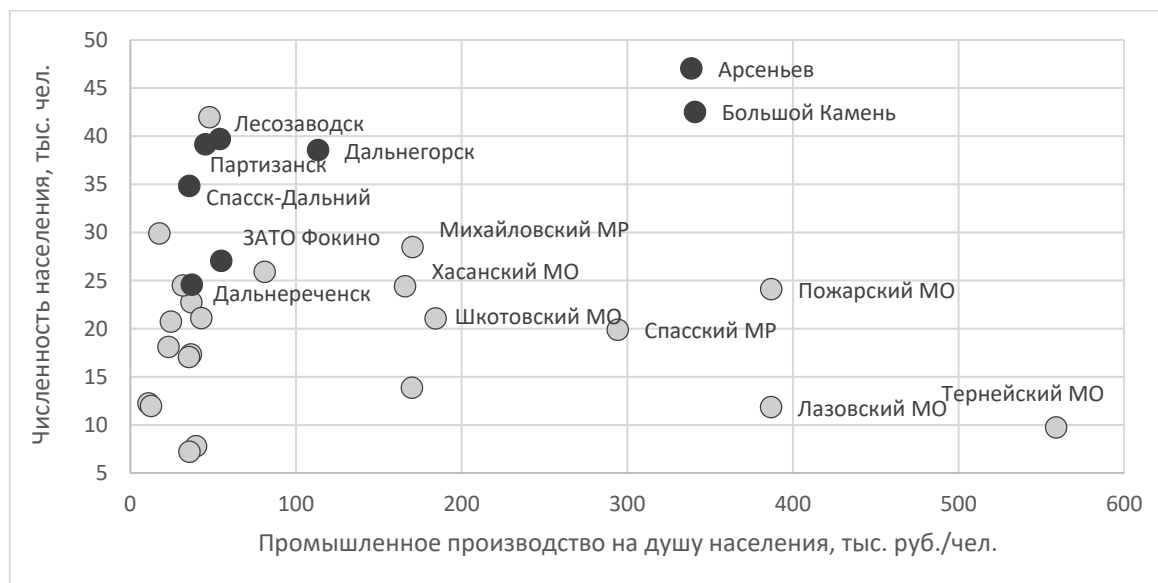

Рис. 3. Средний объем промышленного производства на душу населения за 2014–2023 гг.:
темно-серым цветом выделены города с населением до 100 тыс. чел.

Fig. 3. Average volume of industrial production per capita for 2014–2023:
cities with a population of up to 100,000 people are highlighted in dark grey

Однако приток инвестиций не решает проблем городов, связанных с сокращением численности населения и занятых. Несмотря на то, что для отдельных муниципалитетов наблюдается краткосрочный эффект роста численности постоянного населения и занятости, за более длительный период (2013–2023 гг.) общая динамика показателей остается негативной для всех типов муниципальных образований.

Численность населения за 2013–2023 годы сильнее всего сократилась в муниципальных районах без городов (–16 %, или –80 тыс. чел.), на втором месте – малые города (–12 %). Большие города сохраняют численность населения на уровне 2013 г. Занятость наиболее сильно сократилась в малых городах региона (–17 % за 2013–2023 гг.), меньшие значения характерны для муниципальных районов без городов (–13 %), для регионального центра (–12 %) и больших городов (–10 %).

Для ряда малых городов, например Большого Камня и Арсеньева, можно наблюдать положительные тенденции (рост численности населения и численности занятых, размеров заработной платы). В период 2017–2023 годов численность занятых в Большом Камне выросла на 4 тыс. чел., а в Арсеньеве за 2021–2023 гг. – на 400 чел. Одновременно с этим фиксируется увеличение реальной заработной платы – по всем малым городам она выросла в 1,5 раза за 2013–2023 гг. Ключевой вклад в увеличение индикатора также принадлежит Большому Камню (+72 % за период), планомерно увеличивалась зарплата в Дальнегорске (+31 %) и Дальнереченске (+23 %), а в 2022–2023 гг. – в Арсеньеве (+34 % за период и только за 2022–2023 гг. – +27 % к 2021 г.).

Примечательно, что численность занятых на микро- и малых предприятиях по Приморскому краю в целом, по данным ФНС, за период с 2016 по 2023 г. сократилась на 9 %. При этом, по данным сплошного обследования малого и среднего бизнеса, в регионе за 2015 и 2020 гг. число малых и микропредприятий в больших городах сократилось на 2,3 %, а численность занятых в них – на 10,5 % за период между обследованиями. Аналогично для малых городов региона число малых и микропредприятий снизилось на 16 %, а численность занятых на них – на 19,2 % за 2015–2020 гг. Несмотря на то, что пандемия COVID-19 сильнее отразилась на малом бизнесе, что, вероятно, занизило оценки в ходе сплошного обследования, снижение занятости является планомерным процессом для всего региона. Это позволяет предположить, что сокращение занятости на крупных и средних предприятиях Приморского края за анализируемый период не было компенсировано ростом занятости в МСП, а эффект от реализуемых инвестиционных проектов концентрировался преимущественно на предприятиях крупного и среднего бизнеса.

Более полноценным индикатором для оценки роста доходов населения и малого бизнеса выступает показатель налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей, который за период с 2010 по 2021 г. вырос для всех муниципалитетов в 1,2 раза. Их наибольший объем на душу населения наблюдается во Владивостоке, превышая доходы в других городах региона с населением свыше 100 тыс. чел. в 1,6 раз. Однако они характеризуются схожими темпами динамики показателя.

Малые города при исключении Большого Камня заметно уступают (рис. 4) – в среднем к 2021 г. доходы населения выросли в 1,12 раз, что сопоставимо со средним значением по муниципальным районам Приморского края (в 1,11 раз). Большой Камень к 2021 году характеризуется доходами, сопоставимыми с Владивостоком (492 тыс. руб./чел. при 463 тыс. руб./чел. в региональном центре). Выделяются по уровню доходов среди малых городов также Арсеньев за счет предприятий оборонно-промышленного комплекса и Дальнереченск, через который проходит ветка «ВСТО – П», однако к 2021 г. доходы здесь меньше в 2 раза, чем у лидера группы – Большого Камня.

Одним из индикаторов уровня социально-экономического развития является также динамика ввода жилых домов (рис. 5). По площади ввода в действие жилых домов на душу населения Владивосток после реализации проектов по подготовке саммита АТЭС уступил лидерство большим городам региона. Первенство по средним темпам ввода жилья за период 2008–2022 гг. принадлежит Артёму и Надеждинскому муниципальному округу. Оба они относятся к агломерации Владивостока, однако Надеждинский округ в 2 раза превышает показатели Артёма за счет строительства микрорайонов резидентами ТОР «Надеждинская».

Малые города не являются локальными драйверами жилищного строительства на внутрорегиональном уровне – динамика показателя практически полностью совпадает со средним значением по муниципальным районам и округам Приморского края без городов. Рост темпов ввода жилья в малых городах обеспечивается преимущественно ростом занятости на градообразующих предприятиях или сносом ветхого аварийного жилья и строительством новых многоэтажных домов. При этом корреляция между вводом жилья и уровнем заработной платы наблюдается в меньшей степени. С 2019 года основной вклад в увеличение объемов строительства вносит Большой Камень за счет строительства микрорайона для сотрудников завода «Звезда». В остальных же малых городах показатель стагнирует.

Так, в Арсеньеве последний многоквартирный жилой дом был построен в 2018 г., а в 2024 г. началось строительство нового жилого комплекса из двух домов на 8 и 9 этажей для сотрудников АО «Прогресс». В Дальнереченске крупные жилые комплексы были построены в 2011–2014 гг. при финансовом участии ООО «Дальнефтепровод» и ЗАО «Лес Экспорт», а впоследствии активного строительства не осуществлялось. В Дальнегорске по программе «Арендное жилье» в 2025 г. начато строительство трехэтажного многоквартирного жилого дома при содействии градообразующих предприятий «Бор» и «Дальполиметалл». В Партизанске планируется строительство двух многоэтажных домов для работников Партизанской ГРЭС (ПАО «Русгидро»).

В остальных малых городах строительство единичных объектов осуществлялось преимущественно по программе переселения из ветхого аварийного жилья.

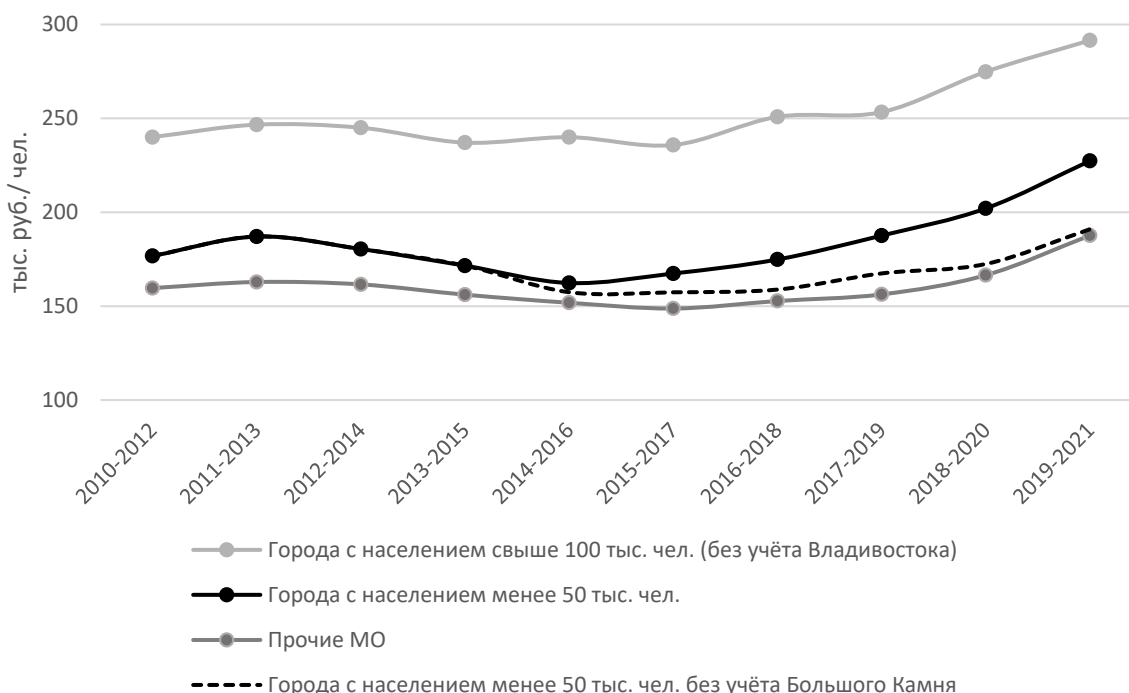

Рис. 4. Динамика налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей по группам муниципалитетов (сопоставимые цены 2021 г.)

Fig. 4. Dynamics of taxable monetary incomes of individuals and individual entrepreneurs by municipality groups (comparable prices of 2021)

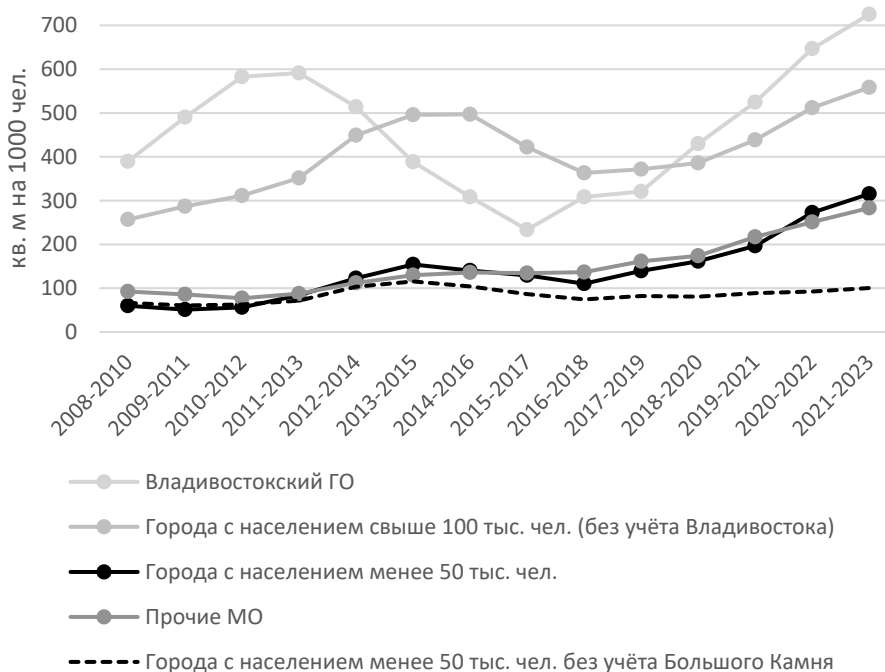

Рис. 5. Динамика ввода в действие жилых домов на территории муниципальных образований разных типов

Fig. 5. Dynamics of residential buildings commissioning on the territory of municipalities of different types

Таким образом, вслед за потоком инвестиций в основной капитал в малые города в 2013–2023 гг. (с лагом в 1–2 года) отмечается рост промышленного производства на 200 млн руб. на каждый дополнительный 1 млрд руб. инвестиций (+95 % за период), увеличение реальной заработной платы в 1,45 раза, налоговых и неналоговых доходов – в 1,6 раза (табл. 2). В 2,03 раза в 2021–2023 годы по сравнению с 2013–2015 годами вырос

объем ввода жилых домов, прирост обеспечивался в размере 385 м² жилья на 1 млрд руб. инвестиций. Как уже отмечалось ранее, проблему депопуляции (–35,2 тыс. чел. за 2013–2023 гг.) и снижения численности занятых (–4,7 тыс. чел. за аналогичный период) решить на текущий момент для всех малых городов не удастся, за исключением наиболее инвестиционно-привлекательных Большого Камня и Арсеньева.

Таблица 2

Table 2

Динамика ключевых индикаторов для малых городов Приморского края
Dynamics of key indicators for small towns in Primorsky Krai

Индикатор	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	7,3	6,9	13,1	22,8	32,6	29,8	23,1	17,7	21,2	46,2	45,3
Промышленное производство, млрд руб.	н/д	47,3	54,3	57,7	103,9	72,1	151,3	56,9	79,6	126,0	105,5
Население, тыс. чел.	301,5	299,0	296,6	294,3	291,5	289,3	288,3	285,2	272,5	268,3	266,3
Численность занятых, тыс. чел.	61,3	60,2	60,1	59,4	58,3	58,0	58,7	58,6	56,8	56,2	56,6
Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	54,9	53,3	52,2	53,6	57,9	63,2	72,4	76,0	75,3	72,6	77,5
Налоговые и неналоговые доходы, тыс. руб.	189,4	163,1	162,1	161,6	178,4	184,6	199,9	221,8	260,6	н/д	н/д
Ввод жилых домов, тыс. км ²	24,0	34,8	35,6	26,0	35,7	24,0	53,5	50,1	50,7	94,7	н/д

На фоне миграционного оттока населения из региона на внутрирегиональном уровне происходит его концентрация в наиболее крупных городах региона – центрах предоставления услуг. В этом отношении основным фактором выступают не инвестиционные проекты, а лучшее качество жизни населения с более высоким уровнем оплаты труда и спектром предлагаемых рабочих мест и услуг.

Для оценки сопоставимости влияния реализации инвестиционных проектов была выбрана контрольная группа муниципальных образований, которые граничат с большими городами и фактически входят в формирующиеся агломерации. Они отличаются наиболее динамичным ростом в 2013–2023 годы, хотя основной прирост инвестиций в муниципалитеты данной группы начался с 2016 г. Положительная динамика 2018–2020 годов определилась развитием муниципалитетов с ТОСЭР (Михайловский, Надеждинский муниципальные округа). Если за 2008–2014 годы на них приходилось около 2–2,5 % от общерегионального объема инвестиций, то в 2015–2023 гг. доля достигает 5 %. В 2021–2023 годы одними из самых высоких темпов роста промышленного производства характеризовался Шкотовский муниципальный округ, имеющий выгодное экономико-географическое положение: он является приморским, при этом транзитным – между Владивостоком и Находкой. Это обуславливает реализацию на его территории крупных инфраструктурных проектов. Так, в рамках создания международного транспортного коридора «Приморье-1» здесь реализуется проект по строительству автомобильной дороги «Владивосток – Находка – Порт Восточный». Крупным проектом является также строительство морского порта «Суходол» (юридически относится к с. Романовка).

Эффект от реализованных инвестиций начинает сказываться с лагом в 2–3 года в зависимости от индикатора. С 2019 по 2023 год численность занятых в муниципальных образованиях, граничащих с большими городами, увеличилась на 4,1 тыс. чел., а реальная зарплата – в 1,23 раза (табл. 3/Таблица 3). Суммарно же с 2013 по 2023 год реальная средняя зарплата по данной группе выросла в 1,36 раза. Численность населения с 2021 по 2023 год также незначительно увеличилась (на 1,1 тыс. чел.), но значений 2013 г. достигнуть пока не удастся: суммарный отток населения за 2013–2023 гг. составил –8,7 тыс. чел. На каждый 1 млрд руб. инвестиций в основной капитал в данных муниципалитетах было создано 20 рабочих мест, а промышленное производство росло на 180 млн руб. с каждым дополнительным миллиардом.

Для муниципальных образований, входящих в агломерации (т.е. граничащих с большими городами), эффект от инвестиций в основной капитал оказался ниже, чем для малых городов, в росте промышленного производства (на 10 % ниже), а также в заработной плате (на 12 % ниже) (табл. 4). Однако на 63 % выше оказался эффект для налоговых и неналоговых доходов, а в 2,6 раза – для ввода жилых домов. Гораздо более весомый вклад от инвестиций получен для численности занятых в окружении больших городов, в то время как увеличения занятости на крупных и средних предприятиях в малых городах достичь за период не удалось, за исключением Большого Камня и Арсеньева. В отношении накопительных показателей практически везде эффекты выше для МО, граничащих с большими городами, за счет эффекта низкой базы и создания фондов в большинстве муниципалитетов практически с нуля. Это в том числе выразилось в более высоких темпах ввода жилой недвижимости. При этом заработная плата сильнее выросла в малых городах (на 9 п.п. больше, чем в муниципалитетах другой группы) еще и благодаря более высокой квалификации работников предприятий в этих городах.

Таблица 3

Table 3

Динамика ключевых индикаторов для муниципальных образований, граничащих с большими городами
Dynamics of key indicators for municipalities bordering big cities

Индикатор	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	3,5	3,3	3,0	17,4	25,8	20,1	31,4	29,3	54,7	37,3	23,0
Промышленное производство, млрд руб.	н/д	14,9	18,4	15,6	16,8	16,0	20,0	22,4	29,3	57,0	58,7
Население, тыс. чел.	152,8	151,6	151,5	150,3	149,1	147,5	147,3	146,6	143,0	143,4	144,1
Численность занятых, тыс. чел.	24,1	23,4	22,6	22,1	21,2	20,7	21,4	22,5	23,0	24,2	24,8
Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	55,1	54,0	50,5	49,5	51,8	55,8	59,5	63,0	67,3	69,6	73,4
Налоговые и неналоговые доходы, тыс. руб.	166,5	152,5	137,3	158,9	154,6	187,2	190,0	216,5	262,5	н/д	н/д
Ввод жилых домов, тыс. м ²	20,8	58,7	40,2	40,9	59,5	55,5	63,6	70,7	135,0	156,6	н/д

Таблица 4

Table 4

Сравнение эффектов от инвестиций в малых городах и МО, граничащих с большими городами
Comparison of investment effects in small towns and municipalities bordering big cities

Индикатор	Прирост на каждый 1 млрд руб. инвестиций в основной капитал		Накопительный эффект, 2013–2023 гг., % к 2013 г.	
	Малые города	МО, граничащие с большими городами	Малые города	МО, граничащие с большими городами
Промышленное производство, млн руб.	200	180	+95 %	+153 %
Занятость, чел.	–	20	–	+3 %
Зарплата, руб.	86,8	76,5	+45 %	+36 %
Налоговые и неналоговые доходы, руб.	275,2	448,6	+60 %	+72 %
Ввод жилых домов, м ²	385	989	+103 %	+202 %

Для того чтобы подойти к оценке интегрального уровня социально-экономического развития МО, была составлена матрица переходов МО (табл. 5). Ряду МО удалось перейти в другие группы по уровню социально-экономического развития. Двум муниципалитетам – Михайловскому району (эффект ТОР и проектов развития угледобычи) и Шкотовскому району (морской порт «Суходол») – прирост инвестиций позволил перейти в более высокую группу по уровню социально-экономического развития, однако столь значительные объемы инвестирования все же не позволили им «перепрыгнуть» через ячейку. При этом, например, Лазовский МО тоже смог добиться такого эффекта за счет гипертрофированного развития рыболовных и рыбоперерабатывающих предприятий, хотя объем инвестиций, в него вложенных, существенно (почти в 40 раз) меньше, чем в городские округа-лидеры (Владивосток, Находка, Уссурийск). Спасский МР также переместился в более высокую группу по уровню социально-экономического развития за счет роста предприятий «Спасскцемент» и «Приморский бекон», однако объем инвестиций в муниципалитете значительно ниже, чем в лидирующих муниципалитетах региона.

Особенность накопленного показателя инвестиций в основной капитал заключается в том, что выделяются МО с эффектом «низкой базы». Это касается, к примеру, всех МО, попавших в первую ячейку, поэтому в данном случае значительного эффекта даже от возросших инвестиций не ожидалось.

При этом для ряда МО инвестиции не оказали повышенного эффекта на общий уровень социально-экономического развития – они не перешли в другую группу, сохранив свои позиции. К примеру, Артёмовскому ГО за счет крупности по населению для перехода в следующую группу по уровню социально-экономического развития нужен больший объем инвестиций и более значимый прирост рабочих мест. Аналогичная ситуация сложилась в Уссурийском ГО, который получил еще меньший объем инвестиций и продемонстрировал движение вниз по матрице в плане уровня социально-экономического развития. В случае Надеждинского района можно предположить, что он стартовал с относительно высокой базы, из-за чего с помощью инструмента ТОР Надеждинская удалось привлечь значительный объем инвестиций, но не перейти в другую группу по уровню социально-экономического развития.

Еще одним муниципалитетом, где социально-экономическая ситуация ухудшилась, является Партизанский МО. Это связано с ТОР, которая создавалась под якорного резидента – Приморский нефтеперерабатывающий завод, хотя проект так и не был реализован. Сама ТОР оказалась малоэффективна. Экономика муниципалитета также относительно невысоко развита, представлена лесопереработкой, производством строительных материалов, переработкой сельскохозяйственной продукции, что не позволяет муниципальному округу демонстрировать более высокие значения социально-экономических индикаторов относительно других МО.

Таблица 5

Table 5

Матрица переходов муниципальных образований Приморского края по интегральному индексу
Transition matrix for municipalities of Primorsky Krai with integral index

2019– 2021 2014– 2016	0–0,2	0,21–0,4	0,41–0,6	0,61–0,8
0–0,2	Ханкайский МО – 54,7	Михайловский МР – 56,7		
	Яковлевский МО – 47,3	Шкотовский МО – 32,5		
	Спасск-Дальний ГО – 22,2	Лазовский МО – 27,7		
	Черниговский МО – 11,4	Спасский МР – 6,2		
	Октябрьский МО – 11,2			
	Чугуевский МО – 10,2			
	Лесозаводский ГО – 9,9			
	Анучинский МО – 9,6			
	Партизанский ГО – 8,4			
	Красноармейский МО – 7,5			
	Дальнегорский ГО – 6,1			
	Кавалеровский МО – 5,6			
	Пограничный МО – 5,5			
	Кировский МР – 5,4			
	Дальнереченский МР – 4,9			
	Дальнереченский ГО – 4			
	Ольгинский МО – 3,3			
	Хорольский МО – 2,3			
0,21–0,4	Партизанский МО – 29	Надеждинский МР – 56,1		
		Артемовский ГО – 12		
		Арсеньевский ГО – 6,2		
		Пожарский МО – 6,2		
		Хасанский МО – 2,4		
0,41–0,6		Уссурийский ГО – 3	Находкинский ГО – 8,4	
			Тернейский МО – 5,6	
0,61–0,8				Владивостокский ГО – 6,4

Примечание: цифры – отношение объема накопленных инвестиций к 2021 г. к объему инвестиций в 2014 г., жирным шрифтом выделена десятка лидеров по данному показателю, курсив – десятка лидеров по среднему объему инвестиций в ОК в 2019–2021 гг.

Note: numbers show the ratio of investments accumulated by 2021 to investments in 2014. The top ten leaders in this indicator are highlighted in bold, and the top ten leaders in terms of the average investments in 2019–2021 are provided in italics.

Наибольшее влияние на интегральный индекс, а также на движение по группам в матрице оказывают доходы населения и занятость (табл. 6). Негативное влияние на интегральный индекс оказывает в первую очередь площадь ввода жилья, изменение которой связано как со скоростью сокращения местного населения, так и с масштабом привлечения работников из других городов и регионов для реализации новых инвестиционных проектов. Исключением является Уссурийский ГО, где такое значительное сокращение ввода жилья связано с эффектом высокой базы 2014–2016 гг. на фоне запуска муниципальной программы «Стимулирование развития жилищного строительства на территории Уссурийского городского округа». Поводом для ее старта стала федеральная программа «Жилье для российской семьи», запущенная в 2014 г.

Динамика отгрузки слабее влияет на интегральный индекс за исключением Шкотовского МО, где индикатор в 2019–2021 гг. вырос в 2,4 раза по сравнению с 2014–2016 гг. Драйвером стали проекты по строительству транспортной инфраструктуры (автомобильных дорог и портов).

Таблица 6

Table 6

Динамика отдельных составляющих интегрального индекса по муниципалитетам, продемонстрировавшим движение вниз и вверх в матрице переходов
Dynamics of the integral index components for municipalities that demonstrated a downward and upward movement in the transition matrix

Муниципалитет	Занятость	Объем промышленного производства на душу населения	Объем налоговых и неналоговых доходов	Площадь ввода жилых домов на душу населения
Лазовский МО	1,09	1,05	1,37	0,76
Михайловский МР	1,24	1,13	2,45	0,88
Спасский МР	1,21	1,44	2,45	0,81
Шкотовский МО	1,37	2,40	1,61	0,63
Партизанский МО	0,98	1,39	0,47	0,88
Уссурийский ГО	0,92	0,65	0,48	0,25

Примечание: рост нормированного значения 2019–2021 гг. по сравнению с 2014–2016 гг., количество раз

Note: the growth of the normalized value in 2019–2021 compared to 2014–2016, times

Выводы

Распределение инвестиций в основной капитал смещалось от южных прибрежных районов с транспортной специализацией (в 2008–2016 гг.) к континентальным, более аграрным, муниципалитетам за счет развития индустриальных парков (в 2017–2022 гг.) и муниципалитетам с промышленными городами после 2022 г. При этом политика «поворота на Восток» после 2022 г. оказала значительный краткосрочный эффект на рост инвестиций и промышленного производства региона, однако необходимо продолжать наблюдения для оценки средне- и долгосрочных эффектов от этого процесса. Развитие за рассматриваемый период получает преимущественно прибрежный юг региона, где строится транспортная инфраструктура, концентрируются основные новые экспортные мощности. Отдельным исключением являются единичные ресурсные муниципалитеты на севере региона, где расширяется добыча и наращивается экспорт сырья. Приграничные районы остаются инвестиционно непривлекательными.

Малые города вносят относительно скромный вклад в социально-экономическое развитие Приморского края, однако их позиции усиливаются: 10 % промышленного производства (+3 п.п. к 2014 г.), 11 % инвестиций в основной капитал (+8,9 п.п. к 2014 г.). При этом социальные индикаторы демонстрируют менее активную динамику: в малых городах концентрируется 15 % населения и его численность снижается (–0,8 п.п. к 2014 г., рост – только в Большом Камне), а также 15 % занятых (+1 п.п. к 2014 г.). Большую долю в динамике и увеличении роли городов этой группы играют городские округа Большой Камень и Арсеньев, и именно там можно наблюдать рост занятости за последние годы. Остальные малые города несопоставимо малы по своему участию в экономике.

Территориальные эффекты от инвестиций в основной капитал в малых городах в большей степени сказываются на росте промышленного производства (+95 % за 2013–2023 гг.), налоговых и неналоговых доходов (+60 %) и реальной заработной платы (+45 %). Как следствие роста благосостояния – увеличение ввода жилых домов (+103 %). При этом реализация крупных проектов не позволяет коренным образом решить ни проблему сохранения численности населения (оно продолжает сокращаться), ни проблему обеспечения занятости. Исключение составляет Большой Камень. Требуется дополнительные оценки роли малого бизнеса в экономике малых городов, однако, по имеющимся данным, перетока кадров в малый бизнес не происходит. Это позволяет предположить, что эффекты от инвестиций концентрируются преимущественно в крупном и среднем бизнесе.

Более высокую динамику социально-экономического развития по сравнению с другими муниципалитетами (за исключением регионального центра) демонстрируют большие города Приморского края и граничащие с ними муниципальные образования. К ним стягивается и промышленное производство, и население. Так, на этих территориях концентрируется до 28 % промышленного производства (+2,3 п.п. к 2014 г.), 33 % населения (+1,5 п.п. к 2014 г.), 29 % занятых (+0,9 п.п. к 2014 г.), до 20–25 % инвестиций в основной капитал. При этом эффекты от инвестиций для муниципалитетов, граничащих с большими городами (в т.ч. за счет проявления агломерационного эффекта в зоне влияния Владивостокской агломерации), незначительно ниже в абсолютных значениях для промышленного производства (на 1 млрд руб. инвестиций – 180 млн руб. промышленного производства) и заработной платы (+36 % за 2013–2023 гг.) по сравнению с малыми городами, однако превышают их для налоговых и неналоговых доходов физических лиц, а также индивидуальных предпринимателей (+72 %) и ввода жилых домов (+202 %). В относительном выражении эффекты для окружения больших городов выше, чем для малых городов, за счет низкой базы, в том числе относительно меньших объемов существующего жилого фонда.

Таким образом, влияние «поворота на Восток» является очень точечным и в промышленном отношении связано с наиболее крупными городами региона и окружающими их муниципалитетами. В случае малых городов эффект наблюдается только для оборонно-промышленного комплекса и геополитически обоснованных

производств (Большой Камень). Концентрация населения при этом происходит вне зависимости от реализуемых проектов в наиболее обжитых и инфраструктурно освоенных территориях региона.

Библиографический список

1. Авдеев Ю. А. Свободный порт Владивосток – за и против // ЭКО. 2017. 2. С. 5–26. EDN: XRPQWV
2. Бабурин В. Л. Территориальная эффективность регионов России // Тихоокеанская география. 2022. № 2. С. 29–36. DOI: 10.35735/26870509_2022_10_3 EDN: YVXBVX
3. Бабурин В. Л., Синицын Н. А. Транспортно-энергетические издержки экономики регионов Сибири и Дальнего Востока // География и природные ресурсы. 2022. № 4. С. 18–26. DOI: 10.15372/GIPR20220403 EDN: DLJEVP
4. Бакланов П. Я., Мошков А. В. Географическая дифференциация территориальных структур хозяйства в Тихоокеанской России // География и природные ресурсы. 2017. № 1. С. 5–15. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2017-1(5-15) EDN: YIXIAL
5. Бакланов П. Я., Мошков А. В., Романов М. Т. Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. № 4. С. 83–92. EDN: USPMRC
6. Горячко М. Д. Оценка влияния крупных инвестиционных проектов России на социально-экономическое развитие регионов // Региональные исследования. 2014. № 4(46). С. 88–100. EDN: TBFERD
7. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: ФГУП АНИППКЦ «Наука», 1991. 168 с. ISBN: 5-02-003538-6 EDN: WYZIHN
8. Демьянская А. Н., Прокапало О. М. Экономическое пространство Дальнего Востока: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. Т. 5, № 5. С. 25–32. DOI: 10.14530/reg.2018.525 EDN: YODOQH
9. Дец И. А. Реализация крупных инвестиционных проектов и изменение численности населения в муниципальных образованиях Байкальского региона // География и природные ресурсы. 2019. № 4. С. 165–175. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-4(165-175) EDN: HQZKJT
10. Дружинин А. Г., Кузнецова О. В. Учет фактора моря в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 4–19. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-1 EDN: HBCTON
11. Землянский Д. Ю., Чуженькова В. А. Динамика социально-экономического развития муниципальных образований с преференциальными режимами на Дальнем Востоке в 2013–2020 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67, № 3. С. 431–453. DOI: 10.21638/spbu07.2022.303 EDN: PRFMMH
12. Кашина Н. В. Территории опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 2. С. 569–585. DOI: 10.17059/2016-2-21 EDN: VZEKVB
13. Климанов В. В., Будаева К. В. Точки роста как элемент стратегического планирования в регионах России // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 99–106. EDN: ZWMRVH
14. Кузнецова О. В. География особых экономических зон и их аналогов в России // Региональные исследования. 2020. № 4. С. 19–31. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-2 EDN: UBLURE
15. Кузнецова О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: ЛЕНАНД, 2017. 392 с. ISBN: 978-5-9710-1430-0 EDN: HIUHWB
16. Леонов С. Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67. DOI: 10.14530/se.2017.2.041-067 EDN: YURKXF
17. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с. ISBN: 5-282-02549-3 EDN: RWHZNP
18. Минакир П. А., Прокапало О. М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 2, № 38. С. 146–155. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-38-2-7 EDN: XQMUDJ
19. Мошков А. В. Факторы устойчивого развития территориально-отраслевой структуры регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России // Регионалистика. 2019. Т. 6, № 4. С. 14–31. DOI: 10.14530/reg.2019.4.14 EDN: ZAQFFT
20. Мошков А. В. Инфраструктурные зоны хозяйственного развития Дальневосточного федерального округа России // Тихоокеанская география. 2020. № 2(2). С. 28–39. DOI: 10.35735/tig.2020.2.2.003 EDN: BWBLGC
21. Рябинина Л. И., Суржиков В. И. Территориальная дифференциация социально-экономического развития Приморского края в условиях инвестиционной активности // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 32–40. EDN: TQTHZX
22. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. : сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 10.02.2026).
23. Суржиков В. И. Экономико-географическое положение муниципальных образований как фактор развития их внешнеэкономической деятельности (на примере Приморского края) // Региональные исследования. 2014. № 1. С. 122–129. EDN: SAIXRX
24. Фомин М. В., Безвербный В. А. Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 33–53. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-03 EDN: KBWMDX
25. Фомин М. В., Безвербный В. А., Шушпанова И. С., Микрюков Н. Ю., Лукашенко Е. А., Мирязов Т. Р. Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 137–165. DOI: 10.17323/1999-5431-2020-0-1-137-165 EDN: GUINYW
26. Чистяков П. А., Ромашина А. А., Петросян А. Н., Шевчук Е. И., Бабурин В. Л. Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 4. С. 58–68. EDN: FFOOWR
27. Antonov E. V. Demographic and economic asymmetry of urban development in the Urals, Siberia, and the Far East in 1991, 2014 // Regional Research of Russia. 2018. No. 8(1). P. 16–33. DOI: 10.1134/s207997051801001x EDN: ZSXPPA

28. Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages / J. Larsen, G. Fondahl. Copenhagen: Nordisk Ministerred, 2015. 507 p.
29. Berman M., Howe L. Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic // Proc. of the International Conference on Urbanisation of the Arctic, Nuuk, Greenland. 2012. P. 108–122.
30. Huskey L. Challenges to Economic Development: Dimensions of "Remoteness" in the North // Polar Geography. 2005. Vol. 29, No. 2. P. 119–125.
31. Newell J. The Russian Far East. A reference guide for conservation and development. 2ed. California: Daniel & Daniel Publishers, Inc., 2004. 468 p. DOI: 10.1017/s0032247405304815 ISBN: 1-880284-76-6 EDN: VXIRNH
32. Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? // Europe-Asia Studies. 2012. No. 64(3). P. 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926 EDN: PLYQPD
33. Safronov S. G., Shuvalov V. E. Shifts in the geography of the Russian port economy: Growth without restructuring // Regional Research of Russia. 2022. No. 12(2). P. 154–167. DOI: 10.1134/s2079970522020198 EDN: REIEKS

References

1. Avdeev Yu. A. Svobodnyi port Vladivostok – za i protiv [Vladivostok Free Port – pros and cons]. *ECO*, 2017, no. 2, pp. 5–26. (In Russ.) EDN: XRPQWV
2. Baburin V. L. Territorial'naya effektivnost' regionov Rossii [Territorial efficiency of Russian regions]. *Pacific Geography*, 2022, no. 2, pp. 29–36. (In Russ.)
3. Baburin V. L., Sinitsyn N. A. Transport and energy costs of the economy of the regions of Siberia and the Far East. *Geography and Natural Resources*, 2022, no. 4, pp. 18–26. (In Russ.) DOI: 10.15372/GIPR20220403 EDN: DLJEVP
4. Baklanov P. Ya., Moshkov A. V. Geographical differentiation of territorial structures of economy in Pacific Russia. *Geography and Natural Resources*, 2017, no. 1, pp. 5–15. (In Russ.) DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2017-1(5-15) EDN: YIXIAL
5. Baklanov P. Ya., Moshkov A. V., Romanov M. T. Bazisnye strukturnye zven'ya v dolgosrochnom razvitii transportnykh sistem Dal'nevostochnogo regiona Rossii [Basic Structural Links in the Long-Term Development of Transport Systems in the Russian Far Eastern Region]. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 2018, no. 4, pp. 83–92. (In Russ.) EDN: USPMRC
6. Goryachko M. D. Otsenka vliyaniya krupnykh investitsionnykh proektov Rossii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye regionov [Assessment of the Impact of Russia's Major Investment Projects on the Socioeconomic Development of Regions]. *Regional Research of Russia*, 2014, no. 4(46), pp. 88–100. (In Russ.) EDN: TBFERD
7. Gritsai O. V., Ioffe G. V., Treivish A. I. *Tsentr i periferiya v regional'nom razvitii* [The center and the periphery in regional development]. Moscow: FGUP ANIPPKTS Nauka, 1991. 168 p. (In Russ.) ISBN: 5-02-003538-6 EDN: WYZIHN
8. Demyanenko A. N., Prokapalo O. M. Economic space of the Russian far east: post-crisis dynamics and economic security. *Regionalistica*, 2018, vol. 5, no. 5, pp. 25–32. (In Russ.) DOI: 10.14530/reg.2018.525 EDN: YODOQH
9. Dets I. A. Implementation of major investment projects and population changes in municipalities of the Baikal region. *Geography and Natural Resources*, 2019, no. 4, pp. 165–175. (In Russ.) DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-4(165-175) EDN: HQZKJT
10. Druzhinin A. G., Kuznetsova, O. V. The sea factor in the federal regulation of Russia's spatial development: post-Soviet experience and current priorities. *Baltic Region*, 2022, vol. 14, no. 4, pp. 4–19. (In Russ.) DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-1 EDN: HBCTOH
11. Zemlianskii D. Yu., Chuzhenkova V. A. Dynamics of socioeconomic development of municipalities with preferential regimes in the far east in 2013–2020. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 431–453. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu07.2022.303 EDN: PRFMMH
12. Kashina N. V. Priority development areas: a new tool for attracting investment in the far east of Russia. *Economy of Regions*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 569–585. (In Russ.) DOI: 10.17059/2016-2-21 EDN: VZEKXB
13. Klimanov V. V., Budaeva K. V. Tochki rosta kak element strategicheskogo planirovaniya v regionakh Rossii [Growth Points as an Element of Strategic Planning in Russian Regions]. *Regional Research of Russia*, 2017, no. 3, pp. 99–106. (In Russ.) EDN: ZWMRVH
14. Kuznetsova O. V. Geography of Special Economic Zones and their analogues in Russia. *Regional Research of Russia*, 2020, no. 4, pp. 19–31. (In Russ.) DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-2 EDN: UBLURE
15. Kuznetsova O. V. *Regional'naya politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti* [Regional Policy in Russia: 20 Years of Reforms and New Opportunities]. Moscow: LENAND, 2017. 392 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9710-1430-0 EDN: HIUHWB
16. Leonov S. N. Tools of the state regional policy in the Russian far east. *Spatial Economics*, 2017, no. 2, pp. 41–67. (In Russ.) DOI: 10.14530/se.2017.2.041-067 EDN: YURKXF
17. Minakir P. A. *Ekonomika regionov. Dal'nii Vostok* [The economy of the regions. The Far East]. Moscow: Ekonomika, 2006. 848 p. (In Russ.) ISBN: 5-282-02549-3 EDN: RWHZNP
18. Minakir P. A., Prokapalo O. M. Far east-priority: combinations of investment and institutes. *Journal of the New Economic Association*, 2018, vol. 2, no. 38, pp. 146–155. (In Russ.) DOI: 10.31737/2221-2264-2018-38-2-7 EDN: XQMUDJ
19. Moshkov A. V. Factors of sustainable development of the territorial and sectoral structure of the regions in the coastal zone of pacific Russia. *Regionalistica*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 14–31. (In Russ.) DOI: 10.14530/reg.2019.4.14 EDN: ZAQFFT
20. Moshkov A. V. Infrastructure zones of economic development of the far eastern federal district of Russia. *Pacific geography*, 2020, no. 2(2), pp. 28–39. (In Russ.) DOI: 10.35735/tig.2020.2.2.003 EDN: BWBLGC
21. Ryabinina L. I., Surzhikov V. I. Territorial'naya differentsiatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Primorskogo kraia v usloviyakh investitsionno aktivnosti [Territorial Differentiation of the Primorsky Krai's Socioeconomic Development in the Context of Investment Activity]. *Regional Research of Russia*, 2015, no. 1, pp. 32–40. (In Russ.) EDN: TQTHZX
22. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 dekabrya 2024 g. № 4146-r* [The Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030, with a forecast up to 2036, was approved by Order No. 4146-r of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2024]. (In Russ.) URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (Accessed 10 February 2026).

23. Surzhikov V. I. Ekonomiko-geograficheskoe polozhenie munitsipal'nykh obrazovaniy kak faktor razvitiya ikh vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti (na primere Primorskogo kraia) [The Economic and Geographical Position of Municipalities as a Factor in the Development of Their Foreign Economic Activity (on the Example of Primorsky Krai)]. *Regional Research of Russia*, 2014, no. 1, pp. 122–129. (In Russ.) EDN: SAIXRX
24. Fomin M. V., Bezverbnny V. A. The spatial framework of Siberia and far east of Russia in condition of demographic shrinking: "second" and "third" cities. *Scientific review. Series 2: human science*, 2018, no. 6, pp. 33–53. (In Russ.) DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-03 EDN: KBWMDX
25. Fomin M. V., Bezverbnny V. A., Shushpanova I. S., Mikryukov N. Yu., Lukashenko E. A., Miriazov T. R. Company towns of the Siberia and Russian far east: potential and development prospects. *Public Administration Issues*, 2020, no. 1, pp. 137–165. (In Russ.) DOI: 10.17323/1999-5431-2020-0-1-137-165 EDN: GUINYW
26. Chistyakov P. A., Romashina A. A., Petrosyan A. N., Shevchuk E. I., Baburin V. L. Tsentry ekonomicheskogo rosta Rossiiskoi Federatsii na munitsipal'nom urovne [Economic Growth Centers of the Russian Federation at the Municipal Level]. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 2020, no. 4, pp. 58–68. (In Russ.) EDN: FFOOWR
27. Antonov E. V. Demographic and economic asymmetry of urban development in the Urals, Siberia, and the Far East in 1991, 2014. *Regional Research of Russia*, 2018, no. 8(1), pp. 16–33. DOI: 10.1134/s207997051801001x EDN: ZSXPZA
28. Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages. Ed. by J. Larsen, G. Fondahl. Copenhagen: Nordisk Ministerred, 2015. 507 p.
29. Berman M., Howe L. Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic. *Proc. of the International Conference on Urbanisation of the Arctic, Nuuk, Greenland*, 2012, pp. 108–122.
30. Huskey L. Challenges to Economic Development: Dimensions of "Remoteness " in the North. *Polar Geography*, 2005, vol. 29, no. 2, pp. 119–125.
31. Newell J. The Russian Far East. A reference guide for conservation and development. 2ed. California: Daniel & Daniel Publishers, Inc., 2004. 468 p. DOI: 10.1017/s0032247405304815 ISBN: 1-880284-76-6 EDN: VXIRNH
32. Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies*, 2012, no. 64(3), pp. 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926 EDN: PLYQPD
33. Safronov S. G., Shuvalov V. E. Shifts in the geography of the Russian port economy: Growth without restructuring. *Regional Research of Russia*, 2022, no. 12(2), pp. 154–167. DOI: 10.1134/s2079970522020198 EDN: REIEKS

Статья поступила в редакцию: 28.01.26, одобрена после рецензирования: 12.05.26, принята к опубликованию: 12.09.26.

The article was submitted: 28 January 2026; approved after review: 12 May 2026; accepted for publication: 12 September 2026.

Информация об авторах

Ксения Викторовна Демидова

Кандидат географических наук,
старший научный сотрудник,
Институт прикладных экономических исследований,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ;
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

e-mail: metsan_henki@mail.ru

Михаил Алексеевич Макушин

Младший научный сотрудник,
Институт прикладных экономических исследований,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ;
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

e-mail: mihmakush@mail.ru

Information about the authors

Ksenia V. Demidova

Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher,
Institute of Applied Economic Research,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA);
82, bld.1, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571,
Russia

Mikhail A. Makushin

Junior Researcher, Institute of Applied Economic
Research, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (RANEPA);
82, bld.1, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571,
Russia

Вклад авторов

Демидова К. В. – идея, сбор материала, обработка материала, редактирование текста.

Макушин М. А. – обзор литературы, сбор материала, обработка материала.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Ksenia V. Demidova – the idea; data collection and processing; scientific editing of the text.

Mikhail A. Makushin – literature review; data collection and processing.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.